

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ
ХОТКО САМИРА ХАМИДОВИЧА
«ГЕНЕЗИС АДЫГСКОГО (ЧЕРКЕССКОГО)
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В XIII–XVI ВВ.:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА
СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 07.00.02 – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

С.Х. Хотко – сложившийся ученый, со своим видением переломных сюжетов истории, внесший серьезный вклад в медиевистику кавказоведения. 9 монографий, брошюра, 5 опубликованных сборников документов, несколько десятков полновесных статей, опубликованных в ведущих научных журналах России и мира – таков научный фундамент диссертационного исследования – безусловные плюсы автора и представленного к защите исследования. Вместе с тем рецензируемая диссертация – это квалификационная работа, представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук, что и определяет необходимость ее тщательного анализа.

Кавказ – один из важнейших регионов мира, в котором сложилось немало уникальных цивилизаций, обогативших человечество. Населенный множеством племен и народов, Северный Кавказ в эпоху средневековья представлял скопление автохтонных и пришлых этносов, волею судьбы оказавшихся в сложнейшем геополитическом регионе мира. Миграционные потоки с востока на запад, с севера на юг, и обратно, внутренние перемещения меняли конфигурацию ареалов обитания народов, властно вторгались в этногенетические процессы. Одни народы, захваченные «Великим переселением народов» навсегда исчезли с карты Кавказа, другие – пуская здесь «корни», утверждались. Одним из них был мощный массив протоадыгов Северо-Западного Кавказа, который сумел выстоять и сохранить свои особенности в области материальной и духовной культуры.

Наименее изученным до последнего времени был период позднего средневековья, в рамках которого сформировалась адыгская цивилизация, оказавшая серьезное влияние на политическую историю Генуэзской и Венецианской республик, Египта, Турции, России, Большой Орды, Ногайской Орды, народов Северного Кавказа. В силу этого избранный объект исследования обоснован и не вызывает возражения. Наоборот, хотелось бы призвать научное сообщество, опираясь на достигнутые результаты исследования С.Х. Хотко, продолжить дальнейшую изыскательскую работу данной фундаментальной проблемы истории народов Кавказа и всего Кавказо-Российско-Ближневосточного региона.

Структура диссертации, в целом, не вызывает возражений. Она состоит из введения, 4 глав, 21 параграфа, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложения, в котором размещены 13 иностранных карт итальянских, французских и английских авторов,

подчеркивающих источниковую глубину исследования. Вместе с тем, можно было бы 4 и 6 параграфы третьей главы объединить под одним общим названием, поскольку приведенный материал о развитии работорговли дополняет друг друга.

Вводная часть диссертации – один из лучших разделов исследования. По существу – это своеобразное пособие не только для молодых, но и зрелых ученых – настолько точно сформулированы актуальность, цель, задачи, объект и предмет, хронологические и географические рамки, методология исследования, научная новизна и практическая значимость диссертации.

Соискатель вполне убедителен в теоретической посылке исследования, что «история конкретных этносов свидетельствует, что не существует однотипной модели этногенеза, учитывая сложность и неоднозначность происходивших процессов» (С. 4). Уникальность анализируемого процесса заставила автора акцентировать внимание на «специфике регионального исторического развития обширного региона Кавказа и Юга России, что потребовало изучения взаимообусловленных проблем: феодального строя Черкесии; процесса формирования и обособления крупных феодальных владений (княжеств); интеграции Черкесии в систему международных отношений в бассейне Черного моря» (С. 4).

Такой подход, безусловно, правомерен. И все же углубленный интерес к истории «своего» народа, его взаимосвязи с «великими» соседями, ослабил возможности соискателя провести сравнительно-исторический анализ уровня общественных отношений с другими автохтонными народами региона, что затушевывает комплекс причин не только выживания, но и расцвета адыгских субэтносов в условиях непрекращающегося давления татаро-монгол, крымских татар, калмыков, ногайцев и др. В свое время профессор Р.Ж. Бетров справедливо подчёркивал, что «Рассмотрение вопросов этногенеза адыгов возможно только в связи с историей других автохтонов Северного Кавказа, т.к. они связаны общностью происхождения, выйдя из единого палеокавказского этнического мира». (Р.Ж. Бетров. Этническая история адыгов. Нальчик, 1996. С. 10).

С другой стороны, заявленная постановка вопроса дала возможность автору «вскрыть механику исторической жизни» народа, даже если эти процессы и не оказали «значительного влияния на общее историческое движение», поскольку научный интерес к истории того или другого народа определяется «количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими свойств тех или иных элементов общежития» (С. 20).

Для реконструкции, сложившейся ситуации Самир Хамидович привлек тысячи разнообразных источников: археологических, антропологических, этнографических, фольклорных, лингвистических, исторических. Тщательный, скрупулезный анализ автором каждого типа источников, введение многих из них в научный оборот, многократное использование в тексте, позволяет утверждать о проведенном междисциплинарном

исследовании. Но этот метод, как инструмент познания истории Черкесии, в водной части диссертации, не обоснован.

Особое место в рецензируемой монографии занимает первая глава: «Теоретико-методологические проблемы этнополитической истории позднесредневековой Черкесии», которая по определению является стержнем исследования в обосновании концептуальной позиции докторанта.

При разработке проблем этнической истории особое значение имеет обращение к базовой терминологии, осмыслению объема применяемых понятий, которые раскрывают исследовательскую лабораторию ученого. Соискатель обосновывает свою трактовку категории «этногенез», показывает разнородные миграционные волны, влияющие на протоадыгов, зихов, адыгов, черкесов.

В диссертации широко используется понятие «Черкесия» как название территории расселения адыгов (черкесов) и совокупности феодальных владений (адыгских княжеств), в состав которых могли входить и неадыгские этнические группы населения Северо-Западного и Центрального Кавказа. Территория расселения, по мнению докторанта, синонимична понятию «страна черкесов» (С. 28) и, по определению П.Н. Милюкова, «месторазвитию», которое «определялось сочетанием ряда ландшафтных зон – гор, леса, бассейна Кубани» (С. 28).

Опираясь на теоретические разработки Н.Я. Данилевского, А.С. Лаппо-Данилевского, Ф. Броделя автор обосновывает специфику месторазвития, которая во многом обусловила особенности социально-политической истории адыгов. В силу этого соискатель в первой главе должен был ответить на вопросы: было ли государство у адыгов? Если да, то в чем его особенность? Какие политические институты в них функционировали? Каков уровень политогенеза в XIII в., в XVI в.? Что именно подразумевает автор под термином «княжество»? Можно ли упоминаемые в тексте диссертации адыгские княжества XIII–XVI вв. отождествлять с государством, или же они не выступают в значении политонима – государственно-территориального образования, а скорее это понятия историко-географические? Тезис о том, что Черкесия «являлась страной в этническом и культурном отношениях, но не в плане развития государственных институтов» (С. 345), кажется, подтверждает наше предположение. Таким образом, на наш взгляд, системообразующий термин исследования – адыгское (черкесское) пространство, требует более глубокого обоснования его содержания с исторической, правовой, этимологической точек зрения в 1 параграфе 1 главы.

Используя парадигму «вызова-и-ответа» А.Дж. Тойнби, автор обосновывает версию, которая позволяет понять «энергетику» этноса, способствующую преодолению последствий мощнейших ударов извне, сотрясавших основы бытия адыгов. При помощи выявленных факторов-стимулов по Тойнби (суровой страны, новой земли, удара, давления и ущемления) символизирующих процесс развития путем преодоления кризиса, Самир Хамидович предложил вариант, объясняющий сохранение этнической

идентичности в окружении более сильных соседей. Сюда он включил: 1. дипломатические успехи; 2. возведение городищ с земляными укреплениями; 3. природно-географический; 4. этнический; 5. геополитический (С. 39-40). Перечисленные факторы дают достаточно полное представление о системе выживания и развития адыгского этноса, но исчерпываются ли этим все «теоретические проблемы этнополитической истории адыгов»? Не прояснено содержание термина «Племя», которое периодически использовано в тексте (С. 147, 355 и др.), «Княжество», «Страна» «Адыгские соприсяжные братства» и др.

В содержательном историографическом обзоре дана характеристика сотен работ. Определен их качественный вклад в изучении темы. Историографический анализ проведен по этапам, которые теоретически обоснованы. Вместе с тем, в тексте упоминаются работы Л.Э. Голубева, но качество его диссертационного (2004) и монографического исследования обошел вниманием, хотя оно хронологически совпадает с темой диссертации диссертанта (Голубев Л.Э. Адыги в XIII–XV веках. Социально-экономическое и политическое развитие. Краснодар, 2017). Хотелось бы услышать комментарии о качестве работ Е.И. Нарожного (Северный Кавказ в XIII-XV вв.: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия) и В.Н. Чхаидзе (Тмутаракань: печальный опыт историографии начала XXI века). Особенно последнего, который критически оценивает вклад Самира Хамидовича в решение проблемы этнического состава Тмутаракани.

Анализ дипломатических источников, позволил автору сделать взвешенный вывод о качестве взаимоотношений адыгов, Турции и Крыма: «С политико-юридической точки зрения, Черкесия находилась в вассальной зависимости от Золотой Орды, а затем Крымского ханства» (С. 87). На фоне блестяще проведенного анализа картографических источников, жизнеописания правителей и записок путешественников, других нарративных документов, довольно бедно выглядит раздел летописных источников. Фактически приведен всего один документ: свидетельство Юань-чао би-ши («Сокровенное сказание монголов»), завершнное 1240 г., хотя в тексте диссертации есть ссылки на российские летописные своды (С. 114).

В процессе источниковедческого разбора источников, соискатель стремился определить, действительно ли описанный в источнике факт имел место в реальности, и, одновременно, пытался избежать фетишизации источников: они рассматриваются как рабочий материал, анализ и критика которого стала основой работы. Учитывая неполноту и фрагментарность многих источников, не позволяющих воссоздать полную картину прошлого, а также чтобы избежать их ложной трактовки, автор диссертации провел сопоставительный анализ различных источников с целью устранения пробелов и неизбежных ошибок (С. 107).

Импонирует взвешенная позиция докторанта при разрешении какой-то контroversы. Несмотря на огромный документальный материал задействованный в исследовании, он не склонен идеализировать свои версии

и предположения. Отсюда употребление в тексте слов «возможно», «вероятно», «можно предположить» и др., что подчеркивает этическое отношение к инициативам других ученых. Комплекс привлеченных письменных источников разных типов, видов и форм фиксации, их сопоставительный анализ позволил Самиру Хамидовичу углубить представление о качестве нарративного наследия, что дало возможность научно исследовать развитие адыгского социума в XIII–XVI вв.

Рассматривая этимологию этнонима «черкес», диссертант приводит ортодоксальную точку зрения современных археологов А.В. Пьянкова и В.А. Тарабанова о тюркской этнической принадлежности касогов (С. 109), которую автор блестяще оппонирует (С. 110–124) и доказывает синонимичность этнонимов «зихи», «косоги», «черкесы». Но почему не приведены иные точки зрения, версии филологов, языковедов, этнографов, историков происхождения этнонима черкес? Ведь без историографической справки политизированной проблемы непонятно внимание автора к ее содержанию, и значения для темы исследования.

Рассматривая проблему развития адыгского этнополитического пространства в XIII–XVI вв., автор указывает на существование ряда владений, на основе которых в XVI в. произошло феодальное обособление: сформировались Хегак, Жаней, Хатукай, Бжедуг, Бесленей. Кабарда разделилась на четыре больших удела – владение Пшеапшоко Кайтукина, на основе которого затем появилась Казыева Кабарда («прототип» Большой Кабарды); Идарей (Идарова Кабарда, собственное владение Темрюка Идаровича), владение Шолоха Тапсарукова (Татлостаней или Шолохова Кабарда); Джиляхстаней. Последние два удела составили так называемую Малую Кабарду (С. 146). Но в данном случае причины приведенной территориальной группировки непонятны. Почему Идарей лишился «прописки» в Малой Кабарде?

Таким образом, считает соискатель, складывалась децентрализованная, но весьма устойчивая в военно-политическом отношении «страна» под единым названием Черкесия, своего рода конфедерация феодальных владений и самоуправлявшихся горских территорий (соприсяжных братств). Зримой чертой этой политически неединой «страны» является то, что по самым важным внешнеполитическим вопросам (например, союз с Москвой при Иване IV) субъекты этого пространства проводили скоординированную политику (С. 147). Логика вывода понятна и приемлема. Но возникает вопрос о составной части Черкесии «самоуправлявшихся горских территориях или (соприсяжных братствах)», о которых в тексте диссертации ничего не сказано. Хотя реконструировать их историю необходимо, поскольку они являются составной частью адыгского этноса. К тому же имеются работы известных кавказоведов К.Ф. Сталя, С. Хан-Гирея, Е.С. Зевакина, Л.И. Лаврова, Е.Н. Кушевой, В.К. Гарданова, Н.И. Покровского, В.Х. Кажарова, Б.Х. Бгажнокова и др., заложивших фундамент изучения проблемы.

Детально, с привлечением большого числа документальных материалов освещена интеграция абазин в адыгское этнополитическое пространство. Автор убедительно показал, что абазины приняли самоназвание «адыгэ» и стали воспринимать себя как адыгов, соотнося свою изначальную этническую идентичность как компонент общеадыгской идентичности (С. 164).

Своеобразный «Рубикон» средневековой истории адыгов диссертант связывает с пандемией чумы 1346–1353 гг., получившей в европейской историографии XVII в. образное наименование «Черная Смерть» и унесшей более 50 миллионов человек на пространстве от Китая до Англии (С. 167). Анализ источников, наблюдений врачей, биологов, зоологов позволил соискателю утверждать, что эпидемия обошла Северо-Западный Кавказ стороной, одновременно мощно ударив по Золотой Орде, Египту, Византии. Пандемия, по мнению автора, если и нанесла урон численности черкесов, то они быстро восстановились и продолжили территориальную экспансию по границам своей исконной среды обитания. В XVI столетии Черкесия становится крупнейшей и наиболее населенной страной Северного Кавказа, интегрировавшей в свой состав целый ряд соседних земель и народов (С. 183).

Комплекс всаднического вооружения у черкесов, сформированный в процессе творческой работы местных оружейников и заимствований лучших образцов в соседних регионах, стал одним из важнейших факторов, обусловивших расширение адыгского пространства. Поэтому не случайно автор много внимания уделил формам оружия, стилю, экспорту различных видов оружия в Турцию, Россию, Орду. Вместе с тем, он обошел вниманием оружие ближнего боя – шашку, о которой русский офицер Ф.Ф. Торнау, воевавший на Кавказе в 30-х гг. XIX века, вспоминал: «... самое страшное черкесское оружие состоит из сабельной полосы в деревянных, сафьяном обтянутых ножнах, с рукояткой без защиты для руки. Оно называется «саженшхуа» – большой нож, из чего мы сделали название шашки... Шашка черкеса остра, как бритва, и употребляется им только для удара, а не для защиты; удары шашки большею частью бывают смертельны». Как известно, шашка была заимствована у адыгов казаками Терека и Кубани, а потом введена и в регулярной армии. По данным Феликса Накова шашка у адыгов появилась в XIV веке.

Освещая проблему взаимоотношений адыгов с номадами, Самир Хамидович привлек массив нарративных источников, позволивших реконструировать их сложный характер. Для детального разбора отношений, автор разделил их на четыре этапа, наполнил конкретным содержанием, выявил алгоритм взаимодействия земледельческого ареала с многочисленной вереницей кочевнических культур и пришел к выводу, что «в отношениях черкесского пространства с кочевниками существовал повторяющийся исторический сценарий» (С. 222). Рано или поздно кочевники уступали лидерство черкесам. Не выдержав ударов крымских татар и черкесов в 1502 г. Большая Орда прекратила свое существование. В результате давления черкесов на Астраханское ханство, столицу которого черкесы захватывали

несколько раз, они содействовали воцарению ханов, являвшихся черкесскими родственниками или воспитанниками (С. 234). Адыги настолько сблизились с Малой Ногайской ордой, что она стала своеобразным щитом Черкесии в XVII в. (С. 242). Симбиоз с ногайцами стал настолько глубоким, что Хан-Гирей в 30-х годах XIX в. констатировал: «язык черкесский ... сделался для ногайцев общим, также нравы и обычаи их смешались с нравами и обычаями черкесов» (С. 244). Импонирует авторский прием приведения цитаты на английском, французском, турецком языках и, одновременно, на русском, что дает возможность перепроверить качество перевода.

Анализируя геополитические и этнокультурные причины вовлечения населения Северо-Западного Кавказа в мобилизационную систему египетских мамлюков, автор выявил факторы, определявшие способы мобилизации населения в систему военного рабства. Это и война с Ордой, и отдельные карательные рейды, и продажа детей в случае голода. Парадокс ситуации заключался в том, что несмотря на то, что Черкесия «стала рудником рабов» (С. 304), она вышла победителем в борьбе с сильнейшими противниками в эпоху средневековья и в Египте, и на Северо-Западном Кавказе. Почему? Логично было бы предположить, отвечает Самир Хамидович, что территориальную экспансию черкесских феодалов поддерживало увеличивающееся население. И, точно также, более чем столетнее доминирование черкесских мамлюков в Каире было обеспечено демографическим ростом Черкесии (С. 306). То есть и в первом и во втором случае соискатель выявляет количественные параметры успехов. Представляется, при анализе ситуации нужны и качественные аспекты поведенческой культуры адыгов. Тем более об этом он упоминает в тексте работы.

Разгром Византии Турцией, установление протектората над Крымским ханством поставило вопрос о взаимоотношении адыгов Северо-Западного Кавказа с новым властелином Средиземноморья и Черноморья. Матримониальные связи турецких султанов с адыгами, мощная черкесская диаспора в мамлюкском Египте – определили достаточно лояльное отношение турок к жителям региона. Военные экспедиции вглубь Черкесии, считает соискатель, носили эпизодический характер и не привели к ее покорению. Тем не менее, само постоянное присутствие османов, имевших возможность использовать мощный крымский ресурс, привело черкесскую знать к неизбежности признать сюзеренитет Турции. Опираясь на сведения Кирзиоглы, Хотко утверждает, что в османской номенклатуре определений Черкесия не просто вилайет, а вполне самостоятельное политическое образование: в 1560 г.: *Çerâkise-Yahıları* «черкесские имения»; в 1567 г. *Memâlik-i Çerâkise Banları* «Мамлюкские-черкесские баны», и даже *Memleket-i Çerkes* «государство черкесов», *Çerkes-Bilâdı* «страна черкесов», *Çerkes-Eli* «владение черкесов» (С. 358).

Таким образом, османо-черкесские отношения в последней трети XV в. и на протяжении XVI в., делает вывод Самир Хамидович, прошли путь от

военной конфронтации, вызванной завоевательной политикой Османов, до формирования определенной и достаточно взаимовыгодной конфигурации сосуществования в военно-политической сфере. С одной стороны, турецкое правительство поддерживало и даже направляло крымские армии в мятежную Черкесию, но, в то же самое время, не допускало окончательного государственного сращивания ее с ханством (С. 363). Добавим, этот формат адыгские князья пытались сохранить на протяжении последующих веков. И все-таки, качество этих отношений, по нашему мнению, не устраивало адыгскую знать, так как она стала искать иные внешнеполитические альтернативы и пошла на сближение с северным соседом.

Слабо изученный период усиления военной экспансии Османской империи и Крымского ханства в 1539–1551 гг. на адыгов, С.Х. Хотко освещает на основе выявленного им текста: «Истории Сахиб Герей хана» – уникального по информативности источника, который не только позволяет оценить степень угрозы, исходившей от Османской империи и Крымского ханства в 30-50-е гг. XVI в., но и выявить целый ряд интересных историко-этнографических сведений о Черкесии. Политический парадокс ситуации заключается в том, что успешные военные походы (1539-1551 гг.) Сахиб-Гирей стали «главной причиной принятия целым рядом адыгских князей русского подданства» (С. 385), а сам победитель был уничтожен по приказу из Стамбула.

Испытав сильнейшее давление турецко-крымской агрессии, феодальная элита смогла выработать политическую стратегию, направленную на сдерживание внешней агрессии. В ее основе лежал поиск военного союзника. Процесс сближения, через три адыгских посольства в Москву, дал ощутимые результаты и для России, и для черкесских князей. Так, в июне 1555 г. крымский хан Девлет-Гирей направился в Черкесию, но был вынужден отменить поход, поскольку с севера ему угрожало русское войско. Точно также в 1556 г. хан «воротился из похода на них же» (черкесов), так как русский отряд подошел к Ислам-Кермену (С. 392). Приоритеты соискателя в поиске легитимности посольств 1552-1555 «от братии князей» и в 1557 г. от Темрюка Идарова на стороне первых, поскольку оно «возглавлялось самим старшим князем Сибоком» и включало более 150 князей и уорков. В то время, как делегация из Кабарды возглавлялась одним «князем К. Кануковым, который не мог, конечно, представлять интересы всех Иналидов» (С. 393).

Интересно наблюдение автора о создании геополитического треугольника Москва-Вильно-Бахчисарай, «внутри которого поддерживалось неустойчивое равновесие и именно от Крыма... зависело его сохранение. Нападение татар на Россию развязывало руки для продвижения в Ливонию Литве, и наоборот (С. 393).

Изменение внешнеполитических приоритетов России привело к «охлаждению» отношений с черкесскими князьями. Западная Черкесия оказалась для Москвы потеряна. И, наоборот, началось сближение с Т. Идаровым, закончившееся браком Ивана IV с его дочерью Гуащаней. Освещая сюжет женитьбы Ивана IV, и усиление позиций Черкасских при дворе,

диссертант, на наш взгляд, не достаточно обосновал версию об авторстве опричины, которое соискатель приписывает Марии Темрюковне (С. 402). Этот популярный в дореволюционной историографии тезис убедительно оспорен Р. Скрынниковым (Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1980. С. 106-114).

В 1569 г. со смертью Марии Темрюковны и казни ее брата Михаила в 1571 г. история союза Кабарды с Москвой могла закончиться. И персонально, и геополитически он почти исчерпал свой ресурс, поскольку трудности в Ливонии заставляли Ивана Грозного идти на уступки Крыму. В 1571 г. повторилась ситуация 1561 г. вокруг Западной Черкесии. Но этого не случилось, утверждает С.Х. Хотко, поскольку Иван IV приложил огромные усилия по спасению двух братьев Темрюка Идарова, оказавшихся в плену у крымского хана. К 1578 г. они были выкуплены из плена российским послом, и братья возвратились в Кабарду (С. 413). Это реанимировало союз и привело к сближению Кабарды с Россией.

Русско-кабардинские и черкесо-крымские отношения, несмотря на их диаметрально противоположность развивались по одному сценарию: сближение, отталкивание, вассалитет, союз. Что свидетельствует о продуманной политике черкесской элиты, направленной на сохранение и укрепление своей идентичности.

В заключении диссертации подведены итоги исследования и, что крайне важно для кавказоведения, обозначены перспективы и четкие направления дальнейшей разработки темы.

В целом, диссертационная работа С.Х. Хотко является самостоятельным оригинальным научным исследованием фундаментальной проблемы отечественного кавказоведения. Колоссальная изыскательская работа по выявлению, анализу и интерпретации разнообразных средневековых нарративов, включая иностранные, позволили ввести в научный оборот корпус разнообразных по типам и форме исторических источников. Результатом этой работы стала реконструкция развития адыгских субэтнотосов в XIII–XVI вв., их единства и междоусобных столкновений, выработки единой внешнеполитической линии в поиске союзников.

В целом поставленная цель и задачи диссертационного исследования решены. Автор внес серьезный научный вклад в изучение слабо разработанной в науке проблемы и предложил научному сообществу интересную концепцию становления адыгского общества, разбросанного на огромной территории Северного Кавказа, реконструировал сложнейшие процессы взаимодействия с Золотой Ордой, Крымским ханством, Турцией, Россией.

Положения, выносимые на защиту, являются обоснованными и основательно доказанными в содержательной части диссертации. Автореферат отражает содержание текста научной квалификационной работы. Результаты исследования были неоднократно представлены научному сообществу в виде докладов на региональных, всероссийских и

международных конференциях, монографиях, статьях в научных сборниках и журналах, в том числе входящим в перечень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ.

Таким образом, представленная к защите диссертация «Генезис адыгского (черкесского) пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования» является научно-квалификационной работой, удовлетворяет требованиям пунктов 9–11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями на основании постановления Правительства РФ от 21 апреля 2016 г. № 335, постановления Правительства РФ от 2 августа 2016 г. № 748, постановления Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1024). Автор диссертации – Самир Хамидович Хотко заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Кузьминов Петр Абрамович,
доктор исторических наук (07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования),
профессор кафедры «История России»
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (КБГУ),

Адрес: 360051, г. Нальчик, ул. Пушкина, № 29, кв. 3.

Телефон: 8-(8662) 42-18-23.

E-mail: Petrakis_hist@bk.ru

19.10.2017 г.

“ЗАВЕРЯЮ”

Ученый секретарь КБГУ

“ 19 ”

